

Рассказывают рязанские фамилии // Наука и жизнь. 1986. № 6. С. 139—142.

Статьи: Системы личных имен (с. 5—10); Башкиры (с. 72—74); Македонцы (с. 199—200); Поляки (с. 255—257); Русские (с. 262—269); Сербы (с. 273—274); Узбеки (с. 312—315); Хорваты (с. 332—333) // Системы личных имен у народов мира. М., 1986. 382 с.

География фамилий. М., 1988. 198 с.

Ищем имя. М., 1988. 128 с.

НАРОДЫ СССР

Источники по этнографии Западной Сибири / Публикацию подготовили Н. В. Лукина, О. М. Рындина. Томск, 1987. 284 с.

Рецензируемая книга представляет собой публикацию хранящегося в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева архива выдающегося советского ученого-угроведа В. Н. Чернецова (1905—1970) ¹, внесшего неоценимый вклад в развитие науки. Много внимания ученый уделял этнографии манси, впервые встретившись с этим народом во время работы в составе геодезической экспедиции на Северном Урале в 1923—1925 гг. ², что и определило направление его последующей деятельности. В совершенстве изучив мансийский язык в течение неоднократных поездок, В. Н. Чернецов в 1930-е годы участвует в создании письменности манси и учебной литературы на мансийском языке. Круг его научных интересов необычайно широк. На основании собранных во время экспедиций 1920—1930-х годов богатых этнографических и фольклорных материалов среди манси и хантов В. Н. Чернецов создает ряд работ, посвященных общественному строю, религиозным представлениям, материальной культуре, искусству этих народов ³. Большую ценность представляют труды ученого по вопросам этногенеза и этнической истории обских угров и самодийцев, созданная им периодизация истории древних культур Приобья, работа по выявлению этнокультурных ареалов в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита.

Несмотря на то, что в большинстве своих работ В. Н. Чернецов публиковал собранный им полевой этнографический и фольклорный материал, значительная его часть осталась за пределами этих публикаций. Ценность рецензируемого издания не только в том, что оно (за немногим исключением) содержит все записи В. Н. Чернецова, сделанные им во время экспедиций и позволяющие восполнить имеющиеся пробелы в информации по этнографии обских угров и ненцев, но и в его методическом значении, поскольку здесь выявляются принципы подхода исследователя к сбору этнографических данных, оно учит также работе с информантами. В предисловии к изданию приводятся биографические данные В. Н. Чернецова, сведения о характере и внешнем виде его рукописей, говорится о работе, выполненной в связи с подготовкой публикации. Каждый раздел (их 13) предваряется краткой справкой и сопровождается примечаниями, подготовленными, как и предисловие, Н. В. Лукиной. Составители издания сохранили стиль и язык В. Н. Чернецова, принятое им деление материала на дневники и «реальные записи», а также те названия народов, которые присутствуют в материалах.

Остановимся более подробно на каждом из разделов. Первый (с. 13—20) включает в себя материалы обследования групп вогул (современные манси), проживающих в верховьях р. Лозьвы, собранные летом 1925 г. В. Н. Чернецов приводит подробную характеристику географических условий района, данные по численности коренного населения, его фамильный состав. Очень важен список населенных пунктов с указанием места их расположения, поименным перечнем жителей, что дает представление о расселении вогулов верхнего течения Лозьвы в середине 1920-х годов. Много внимания уделяется занятиям коренного населения: охоте, рыболовству, оленеводству, на основании которых ученый определяет размеры дохода средней семьи.

Второй раздел (с. 20—29) содержит систематизированный материал, собранный, по мнению составителей, в то же время и в том же месте, что и информация, вошедшая в предыдущий раздел. Здесь обращает на себя внимание прежде всего такой факт: говоря о явно мансийском населении, фиксируя мансийскую терминологию, В. Н. Чернецов называет эту группу не вогулами, а остяками (старое название хантов) и лишь в конце раздела приводит данные о жителях деревень Арня и Горных — обрусевших вогулах — и легенду, рассказывающую об отношениях между местным населением и людьми, пришедшими с р. Оби (с. 27—28). С аналогичным явлением автору данной рецензии пришлось столкнуться во время экспедиции 1987 г. к манси верховьев Лозьвы, которые утверждали, что русские всегда называли их остяками, а не вогулами. Последние, по утверждению информантов, были расселены южнее и говорили на другом языке. Принадлежность же современного населения верховьев Лозьвы к манси не вызывает сомнения, об этом свидетельствуют язык и ряд особенностей материальной культуры.

На основании полевых материалов В. Н. Чернецов выделяет три категории жилища, подробно характеризуя их конструкцию, описывает способы приготовления и употребления мясных и рыбных блюд, отмечая пищевые запреты, приводит информацию по оленеводству, технологии изготовления средств передвижения.

В третий раздел (с. 29—49) включены материалы, собранные в 1926—1927 гг. среди манси Северной Сосьвы. Информация, помещенная в этом разделе, не систематизирована. Это записи фольклора и названий различных предметов и их деталей на мансийском языке с детальным описанием их конструкции и способа употребления, сведения о жилище и одежде. Во время этой поездки В. Н. Чернецов собрал богатую информацию по духовной культуре манси. Особый интерес представляют рисунки двух шаманских бубнов и фиксация названий их деталей на мансийском языке, описание жертвоприношения на воде, материалы по мифологии манси, которые являются существенным дополнением к уже имеющимся сведениям. Здесь В. Н. Чернецов впервые говорит о делении манси на две группы, которые он в данном случае называет родами: род Мош хум и род Пор хум (с. 46), в прошлом жившие в разных селениях и не смешивавшиеся друг с другом (с. 42). При записи информации ученый обязательно указывает название населенного пункта и фамилию информанта.

Два следующих раздела представляют собой дневник и реальные записи материалов экспедиции 1928—1929 гг. на полуостров Ямал, одной из самых сложных поездок В. Н. Чернецова. Она проходила в основном при неблагоприятных погодных условиях, участники ее нередко должны были выполнять непривычную для них работу, не всегда сразу удавалось установить контакт с ненцами. Эта экспедиция была отмечена трагическим событием — смертью в июне 1929 г. ее руководителя Н. В. Котовщиковой. Дневниковые записи В. Н. Чернецова об экспедиции (с. 49—117) — это не только описание маршрута. Они живо передают атмосферу реальной обстановки, ощущения исследователя, работающего в трудных условиях, а также содержат ценную информацию об образе жизни ненцев, их основном занятии — оленеводстве, религиозных представлениях. Анализируя ненческие сказки, В. Н. Чернецов приходит к выводу, что ямальские ненцы представляют собой часть большой общности, сравнительно недавно вышедшую из лесной зоны в тундру (с. 71—72). Во время поездки он обнаружил и исследовал древние памятники на мысе Тиутей-сале.

Основной этнографический материал по Ямалу сосредоточен в пятом разделе (с. 118—134). Значительное место здесь отводится описанию морского зверобойного промысла, причем не только способам и орудиям лова, обработке продукции, но и верованиям, связанным с морскими животными. В. Н. Чернецов собрал и другие материалы по мифологии ненцев, связанные с представлениями о животных, о шаманах, описано жертвенное место. В реальных записях отражается все возрастающий интерес исследователя к сфере духовной культуры коренного населения.

Шестой раздел (с. 134—149) является дневником экспедиции 1931 г. к манси Северной Сосьвы. В. Н. Чернецов описывает поездку по реке от Березова до Няксимволя, откуда он потом отправился в Ивдель, приводит сведения об информантах, с которыми ему пришлось работать, намечает программу дальнейшего исследования. Здесь зафиксирован ряд интересных материалов по мифологии манси.

Седьмой раздел (с. 149—160) представляет собой реальные записи экспедиции 1931 г. на Северную Сосьву. Основное место здесь занимают материалы по духовной культуре манси: тотемизму, шаманизму, представлениям о душе, о сотворении мира, структуре вселенной и др. В. Н. Чернецов продолжает собирать информацию по социальной организации манси, фиксируя принадлежность тех или иных фамилий к Пор махум (люди Пор) или к Мош махум (люди Мош). Он отмечает, что шаманы Пор махум сильнее, чем шаманы Мош махум (с. 158).

В восьмой раздел включен дневник экспедиции 1933—1934 гг. на реки Конду, Юконду, Тап, Северную Сосьву (с. 160—188). В нем содержится подробное описание маршрута, образа жизни местного населения, характеристика населенных пунктов. Здесь зафиксирован также и конкретный этнографический материал. В. Н. Чернецов описывает утварь, отмечает особенности культуры кондинских вогулов, приводит интересные сведения о священных предках мансийских братьев. Особое место занимает описание амбарчика для хранения культовых предметов (с. 166), которое содержит информацию не только о самих этих вещах, но и о конструкции сооружения, на что прежде не всегда обращалось внимание. Во время этой поездки ученый провел разведку археологических памятников. В дневнике содержится и ряд интересных выводов. В частности, в результате анализа вогульского фольклора В. Н. Чернецов выделил несколько его типов.

В девятый раздел (с. 188—197) входят реальные записи экспедиции на Северную Сосьву 1933—1934 гг., касающиеся главным образом социальной организации манси, их обычаев. Наиболее важна здесь детальная разработка классификации вогульского фольклора (с. 190—191). Составители издания поместили в этот раздел также этнографическую информацию, полученную В. Н. Чернецовым в 1933 г. в Ленинграде от учащихсЯ манси с. р. Сосьва, преимущественно о духовной культуре этого народа.

Десятый раздел (с. 197—208) содержит материалы, собранные В. Н. Чернецовым во время экспедиции на Северную Сосьву в 1935—1936 г. Здесь преобладает информация по духовной культуре манси; приведены тексты сказок, описания культовых предметов, священных мест, которые ученому удалось посетить. Большой интерес представляет материал по свадебной обрядности (с. 203, 205), поскольку данных о ней в этнографической литературе по манси крайне мало. Чернецов приводит также рисунки мансийских тамг с объяснением их значения (с. 207—208).

Уникальные материалы помещены в двух последующих разделах. Одиннадцатый раздел представляет собой дневник экспедиции на Северную Сосьву и Обь 1936—1937 гг. (с. 209—215). Он содержит описание маршрута, а также медвежьего праздника в селении Ильпи-пауль, на котором В. Н. Чернецов присутствовал. Здесь же он отмечает, что на культуру обских манси влияла культура хантов. Это проявилось в одежде, жилище, языке (с. 213). Двенадцатый раздел (с. 216—252) — один из самых интересных, важных по уникальности материалов. Исследователь обращает внимание на мельчайшие подробности медвежьего праздника, излагает материал в той

последовательности, в которой они происходили, приводит тексты песен и диалогов. Не менее важна и информация о жертвоприношении жеребенка, не связанном с медвежьим праздником, о духах — покровителях мансийских и хантыйских селений. К описаниям медвежьего праздника и жертвоприношений прилагаются рисунки планов поселений и построек с обозначением их деталей на мансийском языке (с. 222—223, рис. 26), что существенно дополняет представление о самих действиях.

Последний раздел (с. 252—270) — дневник и отчет о поездке в Тагил и Ивдель в 1938 г., во время которой В. Н. Чернецов занимался в основном изучением наскальных изображений, разведкой археологических памятников (с. 252—271). Здесь зафиксирована также и этнографическая информация в основном из области духовной культуры. Интересно замечание В. Н. Чернецова по поводу мансийского струнно-смычкового музыкального инструмента *нерне йив*, напоминающего, по его мнению, инструмент иранского мира (с. 267).

В публикацию включено 29 рисунков из архива В. Н. Чернецова. Помимо упомянутых выше это зарисовки орудий охоты и рыболовства, их деталей, жилых и хозяйственных построек, предметов утвари, одежды и т. п. манси и ненцев. В тексте содержится большое количество терминов и фраз на мансийском и ненецком языках. К сожалению, не всегда имеется перевод на русский язык, что затрудняет работу с источником. В издание входит также словарь этнографических терминов и местных слов (русских и на языках народов Севера), составленный Н. В. Лукиной (с. 272—277), список работ В. Н. Чернецова (с. 278—280) и карта районов его этнографических экспедиций, подготовленные О. М. Рындиной.

Полевые материалы В. Н. Чернецова — ценнейший источник как для этнографов, так и для лингвистов, фольклористов, археологов. Их важность заключается не только в подробной информации по вопросам духовной культуры, социальной организации, занятий и материальной культуры манси, но и в том, что это наиболее полные, чуть ли не единственные данные по этнографии манси середины 1920—1930-х годов. Составители этого издания заслуживают благодарности за ту большую и трудоемкую работу, которую они проделали в процессе его подготовки.

Хотелось бы увидеть опубликованными и полевые материалы других ученых-сибиреведов, хранящиеся в различных архивах страны. С выходом экспедиционных материалов В. Н. Чернецова современные исследователи получили информацию о многих уже утраченных к настоящему времени явлениях культуры. Вместе с тем нужно отметить, что целый ряд сведений по культуре манси фиксируется и в настоящее время (хотя, конечно, в количественном отношении не в таком размере, как в 20—30-е годы), что является свидетельством сохранения национальной культуры, несмотря на все те трудности, с которыми она сталкивалась в процессе своего существования в течение последних десятилетий.

Е. Г. Федорова

Примечания

¹ Об архиве В. Н. Чернецова см.: Лукина Н. В., Рындина О. М. Этнографический архив В. Н. Чернецова (К 80-летию со дня рождения ученого) // Сов. этнография. 1985. № 5. С. 70—74.

² О В. Н. Чернецове см.: В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова. В. Н. Чернецов // Сов. этнография. 1970. № 4. С. 194—197; А. П. Смирнов. В. Н. Чернецов // Сов. археология. 1971. № 1. С. 309—310; Проблемы археологии Урала и Сибири: Сборник статей, посвященных памяти В. Н. Чернецова. М., 1973. С. 1—4; Омельчук А. К. Рыцари Севера. Свердловск, 1982. С. 129—186; Лукина Н. В., Рындина О. М. Указ. раб. С. 70—71.

³ Список печатных работ В. Н. Чернецова см.: Проблемы археологии Урала и Сибири. С. 5—9.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

А. Е. Супрун. Полабский язык. Минск, 1987. 95 с.

Новая работа А. Е. Супруна, известного советского специалиста в области языка и культуры полабских славян, продолжает цикл его публикаций по данной проблематике¹. Хотя монография предназначена главным образом для филологов, она представляет особый интерес также для этнографов, культурологов, историков. Дело в том, что автор, сосредотачиваясь на собственно лингвистической проблематике, привлекает также материалы по истории и культуре носителей этого, ныне не существующего языка, создавая достаточно широкий культурно-исторический фон. Большой интерес представляют публикуемые впервые все дошедшие до нас полабские тексты.

Племена полабских славян, проживавших с VI—VII вв. на значительной части современной территории ГДР (Мекленбург, Бранденбург) и ФРГ (Ганновер и др.), в результате германской восточной экспансии, особенно усилившейся в X—XII вв., были ассимилированы и влились в немецкий этнос. Процесс этот был достаточно длительным, и еще в первой половине XVII в. полабский язык бытовал среди крестьян в селлах Дравенланд (Дравенланд).